

АНАТОЛИЙ ТИХОМИРОВ

ТАЙНА СКИФСКОЙ ЧАШИ

ЧАСТНЫЙ СЫЩИК АНТЪХИН

Аннотация

Странные, почти мистические преступления происходят в когда-то тихом провинциальном городе Верхнегорске. Бывший следователь особого отдела, отставной майор МВД, а ныне директор частного сыскного бюро Владимир Антыхин вступает в схватку с преступным миром Верхнегорска. А преступления, ой, какие непростые. В повести «Воспитать палача» — это жестокое убийство актрисы в театре во время спектакля, в повести «Тайна скифской чаши» — кража уникальной скифской чаши из краеведческого музея, причём сюжет повести развивается не только в наши дни, но и в древнем мире до нашей эры, в повести «Ангелы света» от рук убийц погибают влиятельные люди города... Черода преступлений изменяет не только жизнь города Верхнегорска, но жизнь самого следователя Владимира Антыхина, он находит врагов и новых друзей, встречает любовь, которую уже и не ожидал встретить...

Анатолий Тихомиров

Тайна скифской чаши

Вместо пролога

Из обращения управления внутренних дел г. Верхнегорска по телевидению и радио к жителям города.

«Сегодня ночью, с воскресенья на понедельник, ограблен городской краеведческий музей. Преступники похитили позолоченную чашу, изготовленную по образцу сосудов древней Скифии, примерно, в V I веке до нашей эры. Преступникам удалось скрыться. Между тем, чаша — уникальна и бесценна, как произведение искусства. На фризе чаши изображены:

Царь сидящий на троне, рядом с ним в полный рост.

Фигура человека в плаще, в окружении воинов.

Всем, кто владеет какой — либо информацией, просьба сообщить в органы МВД».

1. Идти к горизонту

Летом 594 г. до н. э., степью, выжженной лучами беспощадного солнца, слегка касаясь

посохом земли, быстрым пружинистым шагом шёл мужчина. Одет он был в скромную одежду скифа — земледельца, но его стройная величественная осанка выдавала в нём человека непростого, а тёмные миндалевидные глаза смотрели пытливо и внимательно на окружающий мир. Из-под высокой шапки, конической формы, которая надёжно предохраняла голову путника от знойных и пламенных лучей дневного светила, выбивались длинные седые волосы и крупными волнистыми прядями спадали ему на плечи. Чёрные густые усы и борода посерели от пыли, и от этого на расстоянии тоже казались седыми. Уже много дней путник был в дороге, но усталости он почти не чувствовал. Его ноги привыкли к дальним путешествиям, а сердце радовалось новым впечатлениям. Он посетил разные земли и в каждой из них воспринял много мудрого, но всякий раз возвращался на родину в Скифию. В её бескрайних степях, в её буйных лесах и шумных зелёных дубравах, укрывающих несметное количество птиц и зверей от зоркого глаза охотника, в её реках, озёрах, мелких рукавах и притоках — он черпал силы для новых путешествий. В этот раз путник шёл по родной земле с севера, из края, где живут меланхлены (они уже не относятся к скифам, это — иные племена) на юг к Понту Эвксинскому (море гостеприимное, ныне Чёрное море). Конечной

целью его путешествия был город Ольвия, один из крупнейших античных центров Причерноморья, а на полпути он собирался остановиться на некоторое время в урочище Эксампей — центре мира, где, как считали скифы, пролегал кратчайший путь, связывающий землю и человека с Небом и Творцом. Путник надеялся успеть принять участие в празднике «начало мира», воспроизводящем в ритуале рождение скифской земли. Скифы верили, что мир четырёхугольный, а в центре его местность Эксампей. Путник считал эту модель мира слишком упрощённой. Путешествуя по родным краям, да и по самой Скифии, он убедился, что мир гораздо сложнее, чем думают его соплеменники. Его всегда манил горизонт. А что там? Что дальше? Внезапно он остановился. Среди высокой травы паслись белые дикие кони. Сердце скифа не могло не вздрогнуть при виде таких красавцев. С детских лет скифы привычны к седлу, а то, что он предпочитает путешествовать пешком, вовсе не значит, что в нём умер наездник. Путник поднялся на небольшой холм и присел на его вершине, продолжая любоваться животными. «Как причудлива фантазия богов, — думал он. — Как разнообразен мир созданный ими. Даже кони не похожи друг на друга — белые, рыжие, чёрные. И облака в небе, — он поднял голову, — одни — напоминают вспенившиеся волны, другие — причудливых

сказочных животных. И ослепительный диск солнца, — путник прикрыл ладонью глаза, — согревающий нас, а потом вдруг исчезающий за краем земли». Он понимал, что ему никогда не понять всех тайн этого мира. Но всё равно до конца своих дней, он будет размышлять, задавать вопросы и искать ответы на них. Иначе он не мог. В будущем его признают одним из семи мудрецов древнего мира, отец истории — Геродот, назовёт его великим философом. Имя этого человека — Анахарсис. Он был сыном Гнура и братом Кадуида, царя скифского; мать его была гречанка; поэтому он владел обоими языками. Он писал о скифских и эллинских обычаях, отличался свободой речи. Да он был велик, но он не был памятником самому себе. Анахарсис любил и ненавидел, заблуждался и сомневался, проявлял слабость и был вспыльчив, потому что, прежде всего он был ЧЕЛОВЕКОМ.

Анахарсис спустился с холма и продолжил свой путь к горизонту.

2. Отпуск отменяется (наши дни)

Владимир Антыхин с грустью поглядывал на стоящую в углу офиса, упакованную дорожную сумку. Он старался внимательно слушать сбивчивый рассказ директора краеведческого музея, мысленно прощаясь с отдыхом на берегу

тёплого Азовского моря. В бархатный сезон, в сентябре, если, конечно, была пауза в делах, он всегда брал отпуск и тогда когда служил в органах МВД и сейчас, став директором частного сыскного бюро. Антыхин не хотел изменять традиции, но, кажется, жизнь рассудила иначе.

— Скажите мне, Аркадий...

— Аркадий Михайлович Фейгин, — счёл нужным напомнить своё полное имя директор музея.

— Да-да. Так вот, скажите, Аркадий Михайлович, разумеется, как директор директору, — улыбнулся Антыхин. — Вы не удивляйтесь, я этот вопрос задаю всем моим клиентам, если оказываюсь в такой щекотливой ситуации как сейчас. Почему вы одновременно обратились и ко мне и в полицию? Кому из нас вы больше доверяете или не доверяете?

— Понимаете, — замялся Фейгин. — Мы государственное учреждение и обязаны были вызвать полицию. Но, как говорят: «Бережёного и Бог бережёт». Большая у меня надежда на вас, Владимир Олегович. Вы ведь местный Шерлок Холмс, так, во всяком случае, называют вас в нашем городе.

— Вы мне льстите, — иронично ухмыльнулся Антыхин.

— Что вы, какая лесть, — замахал руками Фейгин. — Это, не сомневайтесь, правда. Вы действительно пользуетесь большим уважением у жителей Верхнегорска. Вы помогли многим. А люди, поверьте, не забывают добро.

— Спасибо, конечно, — сухо, сказал Антыхин. — Но давайте не будем задерживаться на моей персоне, а вернёмся к делу. Ещё раз, только спокойно, повторите ваш рассказ.

— Значит, вы нам поможете? — обрадовался Фейгин.

— Значит помогу.

— Благодарю вас! — директор порывисто пожал руку Антыхину.

— Аркадий Михайлович, мы же договорились...

— Виноват, — смутился Фейгин. — Постараюсь унять свою горячность. Буду кратким и точным. Я ведь понимаю, что вас интересуют только факты.

Чтобы успокоиться, Фейгин пригладил рыжеватую бородку клинышком, одним пальцем привычно поправил дужку очков на переносице.

— Понимаете, Владимир Олегович, скифскую чашу передал нам американский миллионер Роберт Слейтер из своей частной коллекции. Его мать родом из Верхнегорска и из уважения к её памяти он сделал музеем такой, поистине, царский подарок.

Как произведение искусства и с исторической точки зрения, чаша была самым ценным экспонатом, выставленным в нашем музее. Её потеря для меня равнозначна потере чести. Сейчас, конечно, честь не в моде, но мне уже шестьдесят лет и я принадлежу к поколению, для которого такая утрата, что-то да значит.

«Боже мой, — подумал Антыхин, — есть же ещё люди в наше время».

— А теперь, собственно, о краже, — уже менее спокойно, сказал Фейгин. — Она, без преувеличения, потрясла всех сотрудников музея. В то несчастливое воскресенье у нас было много посетителей. Несмотря на то, что сейчас дачный сезон — было несколько экскурсий школьников, так же была группа учащихся из местного колледжа, приходили и случайные посетители. Залы освободились только перед закрытием музея в 18 часов. До 20. 00 я работал в своём кабинете, а затем обошёл всё помещение музея, люблю в конце рабочего дня побыть наедине с историей. Все экспонаты были на месте и скифская чаша, разумеется, тоже. Она у нас была выставлена в центральном зале. Признаюсь, я не удержался от соблазна, чтобы не подержать чашу в руках. Любой историк позавидовал бы мне в эту минуту. Ведь я держал в руках посланца из древней Скифии в наш двадцатый, ой простите, уже двадцать первый век.

Существует легенда, что эта чаша принадлежала скифскому мыслителю Анахарсису. Мне об этом её бывший хозяин, американец, рассказал. Легенды иногда соответствуют правде. Так что всё может быть. И ещё, хотя я считаю это несущественным, внутри чаши лежала древнегреческая гемма с изображением молодой женщины...

— Простите, а что такое гемма? — стыдясь своей безграмотности, спросил Антыхин.

— Ну, как вам объяснить. Это украшение величиной с пятикопеечную монету. В Элладе геммы были очень популярны, а в Скифию они попадали разными путями. Так вот, американец считал, что гемма лежала в чаше не случайно. Она, якобы, оберегала чашу от нечистой силы. Я, естественно, не предал этому значения. Гемму из чаши вынул и выставил в зале древнегреческого искусства. А сейчас жалею. Вдруг в этом действительно что-то есть.

Фейгин нервным движением снял очки и протёр стёкла носовым платком.

— Хотя, конечно, всё это ерунда! Суеверие! Историческая судьба чаши никому толком не известна. Очевидно, она переходила из рук в руки, от одного коллекционера к другому, пока её домом не стал наш музей. И вот она снова в чьих-то руках, грязных, разумеется! — неожиданно возмущённо

ударил по столу Фейгин.

Антыхин с укором посмотрел на него:

— Аркадий Михайлович, мы же договаривались...

— Да-да, простите. Обещаю вести себя примерно, — виновато, но не без иронии ответил Фейгин. — Ещё раз простите, на чём я остановился?

— Вы держали в руках чашу, — стараясь сохранить серьёзность, напомнил Антыхин.

— Да, конечно. Я держал чашу в руках, а потом поставил её на место. Уходя из музея, я проверил, вместе с дежурным, сигнализацию. Всё было в порядке, уверяю вас. Со спокойным сердцем я отправился домой, и никакие предчувствия меня не мучили. Спал я спокойно. Около семи утра меня разбудил телефонный звонок. Дежурный доложил, что перед сдачей смены, делая утренний обход, он обнаружил пропажу чаши и вызвал милицию. Когда я прибежал в музей, в центральном зале уже работала следственная группа со служебной собакой. Но собака не смогла взять след. Мне сказали, что преступник воспользовался каким-то порошком отбивающим запах. На самой подставке, где стояла чаша, и внизу на полу, был рассыпан порошок серебристого цвета. Вот, пожалуй, и всё.

Антыхин помолчал немного.

— Следы обуви, отпечатки пальцев,

утерянные предметы. Хоть что-нибудь из этого...

— Боже мой, как же я забыл, — спохватился Фейгин. — От фриза чаши отпала золотая фигура человека в плаще, она лежала на полу возле подставки. В спешке преступники, наверное, не заметили потери. Фигуру следственная группа забрала на экспертизу, и весь рассыпанный порошок собрала и...

— И на экспертизу, — закончил мысль Фейгина Антыхин. — Всё правильно. А фамилию эксперта вы, случайно, не помните?

— Как же не помнить. Фамилия у него царская — Романов.

— Это приятная новость, — повеселел Антыхин.

На недоумённый взгляд директора, ответил: — Опытный эксперт. Разберётся.

А сам подумал: «Хорошо, когда друзья в экспертах ходят».

Для порядка Антыхин ещё спросил: — Больше, значит, ничего интересного не заметили?

— Нет-нет, ничего, — печально покачал головой директор музея. — К сожалению, уникальная скифская чаша исчезла.

Фейгин умоляюще посмотрел на Антыхина.

— Неужели навсегда?

3. Чудом спасённый (до н. э.)

«Эксампей — священные пути»

Геродот.

Второй день Анахарсис шёл вдоль реки Эксампей, в честь которой и была названа вся местность. Скучная растительность навевала тоску, невыносимо хотелось пить. Анахарсис уже пожалел, что не взял с собой достаточного запаса воды, понадеявшись на своё умение легко переносить жажду. Но в этот день жара была, как никогда беспощадной. А, совсем рядом, призывно в лучах яркого солнца поблескивали воды реки, приглашая путника припасть потрескавшимися губами к своей поверхности. Но Анахарсис упорно шёл вперёд, даже не удостоивая взглядом соблазнительную соседку. Он знал, что на этом отрезке пути, вода реки Эксампей была невыносимо солёной. Здесь её русло проходило через богатейшие запасы соли, и даже берега реки были покрыты застывшими белыми кристалликами. Стараясь быстрее минуть это неприветливое место, Анахарсис ускорил шаг и лишь изредка останавливался, и внимательно смотрел себе под ноги в пожелтевшую траву. Огорчённо вздыхал и ещё быстрее шёл вперёд. Наконец, радостно вскрикнув, он опустился на колени и, вынув из

бронзовых ножен кинжал, принялся обкапывать железным клинком сухую землю вокруг какого-то невзрачного растения. Выдернув стебель из земли, Анахарсис обрезал верхушку, а оставшийся маленький корень, ополоснув в солёной воде реки Эксампей, нетерпеливо вбросил в рот. Уже через мгновение, он почувствовал приятный мятный вкус. Скифский корень, некоторые называли его сладким, был полезен против удушья и сухого кашля, но мог также утолять жажду, если его постоянно держать во рту. Шаг Анахарсиса стал увереннее и легче, теперь уже ничто не отвлекало его от размышлений...

Жизнь скифов проходила в бесконечных войнах и тяжёлом труде. Но Анахарсис верил, что Боги дали жизнь человеку не только для этого. Не случайно же Боги создали человека, во многом, подобным себе. Да, человек никогда не сравняется с Богами, но он должен совершенствовать свой ум и душу, только тогда он будет угоден Небу, а возможно и сможет понять великий замысел Богов. Зачем человек? За что ему дарована жизнь? Анахарсис был уверен: человек не должен уподобляться зверям. С детских лет он отличался от сверстников.

— Убей врага! — чуть ли не с колыбели говорили мальчишкам-скифам.

И они, едва научившись ходить, воинственно

размахивали деревянными мечами. Но Анахарсис рос странным ребёнком. Он, конечно, как и другие дети, учился владеть оружием, но в учебных поединках Анахарсис никогда не мог ударить противника, и все синяки и ушибы доставались ему. А вот в джигитовке и скачках он не уступал лучшим наездникам. Как-то мать спросила его:

— Если тебя бьют, почему ты не отвечаешь тем же?

Отрок Анахарсис, удивлённо посмотрев на неё, ответил:

— Ему же будет больно, мама!

И тогда мать прижала сына к себе и заплакала:

— У тебя слишком доброе сердце. Ты никогда не будешь царём.

А он и не хотел царствовать, и, став старше, когда пришло его время, садиться на трон, не колеблясь, уступил власть своему младшему брату Кадуиду. Его уже тогда звала дорога. В детстве мать гречанка часто рассказывала ему о своей прекрасной родине. Ещё не видя Эллады, он навсегда полюбил её. Греция представлялась ему идеальной страной, где Боги и люди живут в согласии и гармонии. Однажды, юношей, ему удалось побывать в Ольвии, греческой колонии на берегу Понта Эвксинского. Очарованный городом, он бродил по невиданным ранее мощёным дорогам,

с трепетом входил в греческие храмы, удивлялся баням и чистым светлым домам. Рассказы матери, ожили наяву и приобрели материальность. «Вот оно — идеальное государство!» — пело его сердце. Недостатков он не замечал. Слишком очевидным был контраст между его родиной и Элладой. С восхищением он смотрел на точёные тела атлетов, с интересом вслушивался в мелодичные песни женщин. При желании он мог прикоснуться к чудесам, которые его окружали. Ведь они были, совсем рядом — скульптуры и амфоры, тонкие ткани одежд и маленькие геммы, с изображением богов и людей, сделанные из стекла и камня, изящные фонтаны, освежающие площади Ольвии...

Задумавшись, Анахарсис не услышал, как над его головой просвистел аркан, брошенный чьей-то умелой рукой. Кожаная петля крепко обхватила шею. Мир покачнулся перед его глазами и исчез, словно лопнул, как пузырь огромной бескостной рыбы — АНТАКАИ. Наступило ничто.

Когда сознание вновь вернулось к Анахарсису, первое, что он увидел, было грязное бородатое лицо, склонившееся над ним. Он уже понял, что произошло. Анахарсис попал в руки грабителей. Без роду и племени, эти шакалы степи в ожидании лёгкой добычи скрывались за холмами или в высокой траве. Как правило, они нападали, уподобляясь стае зверей, на оставших, по разным

причинам, от купеческих караванов состоятельных путешественников. Анахарсиса они приняли именно за такого несчастного. Но, обыскав своего пленника, они испытали жесточайшее разочарование. Ни золота, ни серебра, ни даже монет в виде наконечников стрел, так называемых монет — стрелков, грабители не обнаружили ни в его одежде, ни в котомке. Разъярённые они жестоко избили Анахарсиса. А потом спохватились и стали спорить: то ли привести пленника в чувство и доставить в землю АНДРОФАГОВ, чтобы продать в рабство, то ли просто добить его. Посмотрев на своих измождённых лошадей с впалыми боками, грабители всё больше склонялись к убийству. Анахарсис уже приготовился принять смерть, как вдруг в воздухе почувствовалось какое-то движение. Что-то грозное катилось по степи. Вначале содрогнулась почва, а затем, среди внезапно наступившей тишины, послышался всё более нарастающий гул. Грабители обеспокоено начали осматриваться по сторонам. Внезапно, из-за гряды холмов, выскочил табун ТАРАНДРОВ, самых тяжёлых и опасных животных, которых в то время знала степь. Но даже тогда тарандры были редкостью. Они могли менять цвет шерсти, смотря по месту, где находятся. Величиною они были с огромного быка, а складом головы похожи на оленя. Их кожу не могли пробить ни стрела, ни

копье, такая она была прочная и толстая. Поэтому люди на них почти не охотились. Сейчас их шерсть была жёлто-зелёной, под цвет степной травы. Упрямо наклонив головы, с выставленными вперёд острыми ветвистыми рогами, они мчались прямо на людей. Грабители, забыв о пленнике, кинулись к своим лошадям, но перепуганные животные становились на дыбы, шарахались в стороны, жалобно ржали. Тогда растерявшиеся грабители побежали к реке, надеясь найти в ней защиту. Анахарсис, моля Богов о спасении, упал лицом на землю, прикрыв затылок руками. Табун со страшным грохотом пронёсся над ним, сметая всё на своём пути...

И вот, наступила тишина, только вдалеке приглушённо посапывали тарандры. Анахарсис осторожно приподнял голову. Взору его открылась страшная картина: у берега реки лежали растоптанные тела его врагов, лошади, видимо, успели разбежаться в разные стороны, только один жеребец забежал по брюхо в реку и сейчас трясся мелкой дрожью. Не понимая, почему он ещё жив, Анахарсис стал на колени и ощупал себя. Тело ныло от ударов грабителей, но тарандры не тронули его. Едва успев поблагодарить Богов за спасение, он увидел, что грозные животные вновь возвращаются. Их бег был уже не так стремителен, но опасность от этого не становилась меньше.

Жеребец, стоявший в реке, едва начав успокаиваться, опять стал подрагивать всем телом. В этот раз Анахарсис не склонил голову и, не потому что был безрассудно смел. Избитое тело притупило чувство страха, и он уже почти спокойно наблюдал за приближением смерти. Анахарсис знал, что в этот раз не обманет её. И как же он был удивлён, когда весь табун тарандров остановился перед ним на расстоянии пяти локтей. Вперёд вышел, играя мышцами, огромный самец — вожак. Он подошёл к Анахарсису, втянул широкими ноздрями воздух, словно принюхиваясь к человеку, и неожиданно лизнул его шершавым мокрым языком в лицо. Анахарсис опешил. Он мог ожидать чего угодно, но только не нежности со стороны грозного животного. Тарандры не поддавались приручению и сторонились людей. Их поведение было непредсказуемо. Они легко переходили от спокойного состояния к ярости. Поэтому Анахарсис напряжённо ожидал, как дальше поведут себя вожак и весь табун. Но животные так же миролюбиво стояли перед ним, и вожак так же преданно смотрел большими выпуклыми глазами на человека. И тут Анахарсис вспомнил...

Двумя зимами ранее, пробив тонкий лёд, провалился в реку детёныш тарандра. Он жалобно и тонко визжал. А на берегу беспомощно топтался табун его сородичей. Эту картину Анахарсис

увидел с вершины высокой скалы над рекой, куда он поднялся, чтобы увидеть рождение нового дня. Диск солнца наполовину выглянул из-за горизонта. В его лучах местами начинал блестеть снег, а вдалеке, ещё в сумерках, был виден скифский лагерь. Крик маленького тарандра, прорезав холодный воздух, звенел чужой болью в ушах Анахарсиса. Он знал, как опасно приближаться к тарандром, но жалость победила страх. Анахарсис спрыгнул со скалы в глубокий снег, кубарем скатился прямо к реке и, вбежав по колена в студёную воду, вытащил детёныша на берег. Табун тарандров, точно понимая, что происходит, не двигался с места. Малыш едва держался на ногах и Анахарсис, прижав дрожащее тельце к себе, растёр ему тело и ноги. Малыш доверчиво ткнулся мордашкой в плечо своего спасителя и благодарно лизнул его в лицо.

Анахарсис уже не сомневался, что перед ним стоит тарандр, спасённый им когда-то. Он решился погладить жоака и тот доверчиво, как и два года назад, потянулся к нему мордой. Может быть, впервые скифские степи увидели человека и грозного тарандра не врагами...

Добраться самостоятельно до Эксампея избитый Анахарсис не мог. К священной роще он подъехал на тарандре, вцепившись в густую шерсть на его спине, а чуть поодаль шёл присмиривший

табун этих редких и грозных животных. Появление Анахарсиса на тарандре, да ещё при большом стечении народа накануне праздника «Начало мира», потрясло скифов. Вера в его могущество стала непоколебимой, вселяя уважение и страх. И как не пытался Анахарсис объяснить случившееся естественными причинами, люди уже не слушали его. Они желали чуда...

4. Человек в плаще (наши дни)

Антыхин медленно ходил вокруг подставки, на которой совсем недавно стояла скифская чаша. Директор музея Фейгин сиротливо прижался к стене выставочного зала и, затаив дыхание, наблюдал за действиями Антыхина.

— Ничего не нашли? — почти без надежды спросил Фейгин.

— Если найду, обязательно скажу, Аркадий Михайлович, — не столько успокоил, сколько отделался Антыхин. Директор музея, при всей симпатии к нему, понемногу начал раздражать Антыхина. «Он убеждён, что я, по меньшей мере, в одном лице и Шерлок Холмс и доктор Ватсон», — думал Антыхин, скользнув взглядом по окнам.

— Стёкла на окнах особой прочности? Пуленепробиваемые? — с откровенной иронией спросил Антыхин.

Фейгин ответил вполне серьёзно: — Что вы! Какие там пуленепробиваемые! Обыкновенные стёкла.

— Почему же решётки на окна не поставили?

— Вы же знаете, какой бюджет у музеев. Пока гром не грянет, мужик не перекрестится, — похоже, обиделся Фейгин. — Никто и копейки лишней не выделяет. Даже гвозди из своей зарплаты покупаю.

— Но сигнализация хоть была исправной? Это точно? — смягчился Антыхин.

— Да, — как-то неуверенно ответил Фейгин. — Кажется, да.

— Кажется? — покачал головой Антыхин.

— Во всяком случае, когда мы её проверяли с дежурным, она работала, — активно защищался Фейгин.

Антыхин ещё раз обвёл взглядом зал музея. Постучал по раме окна, словно проверяя её на прочность, а если честно, то так больше для вида. Следственная группа из полиции хорошо здесь поработала. Собрала весь урожай, какой только можно было собрать. У Антыхина не было желания начинать это дело. Но, глянув на грустное лицо директора музея, всё же спросил:

— Вы мне можете показать фотографию чаши? Или на снимки тоже нет средств?

— Вы не иронизируйте, пожалуйста, — занервничал Фейгин. — У нас есть прекрасный

каталог и в нём размещены все экспонаты, которые выставлены в музее. В том числе и скифская чаша.

В кабинете директора музея всё дышало прошлым. На стенах висели стандартные картины на исторические темы: стоянка первобытных людей, охота на мамонтов, ледовое побоище. На полках, рядом с толстыми, покрытыми пылью, томами книг, стояли глиняные статуэтки египетских богов, маленькие бюсты мыслителей прошлого. Несколько острых камней лежало на зелёном сукне стола.

— Нелегко вам живётся под тяжестью веков? — с любопытством поглядывая по сторонам, спросил Антыхин.

— Ноша истории незаметна, — засмеялся Фейгин. — В сущности, она у каждого из нас за плечами. А у меня даже на столе.

Фейгин подал Антыхину камень.

— Это нож каменного века.

Антыхин с уважением провёл ладонью по плоской твёрдой поверхности.

— Нравится? — спросил Фейгин.

— Любопытная вещь. Как будто пожал руку далёкого предка.

— Значит нравится? Дарю! — Фейгин сделал от сердца широкий жест. Заметив колебание Антыхина, сказал:

— Берите! У нас таких экспонатов много. Этот камень я лично нашёл на берегу реки. А в придачу вот вам наш каталог. Спасибо спонсорам, очень качественные фотографии сделали.

Каталог был тяжёлым и от этого производил впечатление солидного издания. Антыхин не без интереса листал его страницы. Фейгин вдруг остановил его:

— Обратите внимание, на этой странице у нас представлены три древнегреческие геммы. На двух из них изображение Геракла, а вот эта гемма лежала внутри украденной чаши. Как видите, прелестная работа.

— Оригинал был, наверное, ещё краше? — спросил Антыхин.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду девушку изображённую на этой гемме. Если она так прекрасна на стекле, то какая же она была в жизни?

— Ну, может быть, это придуманный образ, не думайте о ней. Если она и жила на самом деле, то нас с ней разделяют тысячелетия, — понимающе улыбнулся Фейгин. — Ищите свой идеал в нашем времени.

Фейгин взял в руки каталог, перевернул несколько страниц и грустно вздохнул:

— А вот и скифская чаша.

Даже на фотографии чаша производила

необычное впечатление. Её форма не была идеальной — скорее асимметричной, но даже в этом была её особая привлекательность. Скифские пирующие воины, царь на троне — смотрелись на фризе чаши единой композицией, и только человек в плаще, стоящий в полный рост, был обособлен от общей группы. Очевидно, неизвестный мастер не случайно акцентировал внимание именно на этой фигуре.

— Вижу вас, Владимир Олегович, наиболее заинтересовала фигура скифа в плаще? — спросил Фейгин.

Антыхин согласно кивнул.

— Кстати, обратите внимание, — продолжал Фейгин. — Он единственный из всех кто не вооружён, в руках он держит не оружие, а свиток папируса. Очень осторожно я выскажу предположение, что на чаше изображён гениальный человек своего времени — философ Анахарсис.

5. Начало мира (до н. э.)

Великий скифский праздник «Начало мира» заявил о себе, когда утренняя заря появилась в небе, медленно рассеивая ночной мрак. Главный жрец Бога войны Ареса, он же Верховный жрец общескифского святилища в урочище Эксампей, подняв руки к небу, песней напомнил скифскому

народу о его происхождении:

«Мы из всех племён самое молодое племя, а появились мы следующим образом: первым появился на этой земле, бывшей в то время пустынной, человек по имени Таргитай. А родители этого Таргитая — Зевс и дочь реки Борисфена. Такого именно происхождения был Таргитай. У него родились три сына: Липоксай и Арпоксай и самый младший Колаксай. Во время их правления на скифскую землю упали сброшенные с неба золотые предметы: плуг с ярмом, обоюдоострая секира и чаша. Старший брат, увидев первым, подошёл, желая их взять, но при его приближении золото загорелось. После того как он удалился, подошёл второй, и с золотом произошло то же самое. Этим загоревшееся золото отвергло, при приближении же третьего, самого младшего, оно погасло, и он унёс его к себе. И старшие братья после этого, по взаимному соглашению передали всю царскую власть младшему».

Едва лучи солнца осветили урочище Эксампей, как длинные вереницы жрецов-прорицателей потянулись по узким тропам к жертвенной поляне главного среди скифских Божества: Бога войны — Ареса. Задолго до праздника, в его святилище (скифы возводили святилища только Аресу) на ровной четырёхугольной площадке, набрасывали огромные

кучи хвороста, а поверх воздвигали потемневший от крови железный меч — акинак. Исключительно Аресу приносили в жертву не только животных, но и пленных врагов, когда шла война. Сейчас был короткий период мира, поэтому на жертвенных кострах сжигали кости животных, а мясо оставляли, чтобы сварить в священном медном котле. Всё обильнее лилась кровь, всё ярче пылал костёр на жертвенной поляне, и верили скифы, что радуется в этот день не только Арес — Бог войны, но и все Боги: Табити — хранительница огня, Папай — прародитель скифов, Апи — олицетворяющая землю и воду. Они возглавляли пантеон высших скифских Божеств. А где-то рядом в урочище бродили Гойтосире — охранитель скота, Аргимпасу — великое Божество жизни и смерти...

На высоком скалистом обрыве над урочищем Эксампей, на ровной площадке прикрытой естественным каменным козырьком, восседала на гладких валунах скифская знать, во главе с царём Кадуидом. На правах брата ближе всех к царю сидел Анахарсис. Сегодня Кадуид был в прекрасном настроении:

— Посмотри, брат, разве не величественная картина открывается нашим глазам? Да, скифские жрецы умеют разговаривать с Богами. После таких жертв, Бог войны — Арес, думаю, будет благосклонен к моему народу, и другие боги не